

© 2019 г.

Н. П. ТАНЫШИНА

ЮБИЛЕЙ ЮБИЛЕЯ: ИТОГИ 200-летия ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Танышина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Исследование осуществлено по гранту Правительства РФ в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

DOI: 10.31857/S013038640004252-5

200-летие Французской революции явилось не просто круглой датой, а событием планетарного масштаба для всей мировой историографии. Эти десять лет буквально потрясли не только Францию, но и весь мир. Во многом это событие стало переломным для развития мировой историографии Революции. О значении Bicentenaire, которое само по себе является уникальным культурным и научным явлением, спорят до сих пор. В 2019 г. ему исполняется 30 лет — «юбилей юбилея» — хороший повод для осмысления связанных с этим юбилеем событий и подведения итогов.

В 2017 г. во Франции объемную работу, посвященную эпопее, связанной с 200-летним юбилеем и последующими коммеморациями, опубликовал последний классик революционной историографии, историк-марксист, член коммунистической партии, почетный профессор университета Париж-I, Мишель Вовель, последний из могижан, как он сам себя называл. Книга имеет характерное название: «Битва за двухсотлетие Французской революции»¹. Эта книга является одновременно и мемуарами, и работой по историографии Революции. Взгляд историка — взгляд во многом субъективный, но показательный, потому что Вовель в течение 10 лет, с 1983 по 1993 г., являлся директором Института истории Французской революции (ИИФР) в Сорбонне², координировал научные мероприятия, связанные с юбилеем, занимался национальной и международной организацией торжеств, выполняя одновременно и научные, и организаторские функции. Когда работа над этой статьей была почти окончена, пришло

¹ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire de la Révolution française. Paris, 2017.

² ИИФР в Сорбонне был основан еще в 1937 г. Жоржем Лефевром, став продолжением замысла другого выдающегося историка — Альфонса Олара, поскольку именно Олар вместе со своим другом — русским эмигрантом историком-социалистом Борисом Миркиным-Гецевичем создал Центр по изучению истории Французской революции. Институт должен был стать уникальным научным центром, где изучалась бы только эпоха Революции. См.: Митрофанов А. А. Взгляд на Революцию из современности: беседа с Пьером Серна. — Французский ежегодник 2016. Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. Под ред. А. В. Чудинова. М., 2016, с. 186.

печальное известие, что Мишеля Вовеля не стало. Но в 2018 г. он успел издать свои воспоминания: «Мемуары известные или забытые. Исторические эссе и воспоминания», в которых ровно половину книги занимают воспоминания историка об эпохее, связанной с 200-летним юбилеем Революции, а также его рассуждения о месте Революции в исторической памяти. Революции, которая, по его словам, является «одним из самых субъективных объектов наследия, но которая тем не менее пропитала наши институты, наше общество, наше мировоззрение»³. Пусть моя статья будет данью памяти великому ученому, для которого Французская революция была, по его же собственным словам, «высшей темой исследований», а сам он до конца своих дней оставался «верным обязательствам, взятым на себя участниками бесконечной борьбы за дело памяти великой Революции»⁴. Более того, для М. Вовеля, как и для многих французов, память о Революции — это память семейная. В воспоминаниях он приводит семейную легенду, повествующую, как некая мадам Мантанс, которую называли «маман Гортензия», отправилась пешком в далекое путешествие в Петербург, дабы добиться у царя освобождения ее мужа, военнотружашего Великой армии, затерявшегося в 1812 г. в снегах России⁵.

В России весомый вклад в осмысление современного этапа изучения Революции внесли А. В. Чудинов в своих многочисленных статьях и обобщающей работе «История Французской революции: пути познания», А. В. Гордон, а также Д. Ю. Бовыкин в статье, посвященной развитию отечественной историографии Революции на рубеже XX–XXI вв.⁶

По справедливому замечанию Вовеля, 30 лет — это весьма двусмысленная дата. Живы еще многие участники, но в основном уже пришли новые люди. Кто они? В зависимости от ответа на этот вопрос можно и нужно оценивать 200-летие. Что означал «Большой юбилей» для французской и российской историографии? Какое влияние он, а точнее, бум связанных с ним исследований, оказал на французскую и российскую науку? Об этом и пойдет речь в предлагаемой вниманию читателей статье⁷.

* * *

Независимо от текущей конъюнктуры, изучению Революции во Франции уделялось и уделяется повышенное внимание, ведь она считается основополагающим событием для формирования политической культуры этой страны. Как отмечалось авторами «Критического словаря Французской революции», о котором речь еще пойдет впереди, Французская революция — это дата рождения демократии. И в этом солидарны и сторонники, и противники революции как способа трансформации действительности⁸. По словам авторов предисловия, Франсуа Фюре и Моны Озуф, «Французская революция принадлежит всем гражданам; даже те, кому она не нравится, являются ее детьми, потому что у них просто нет иного выбора»⁹. По словам известного историка Ж.-К. Мартена, о котором мы еще тоже поговорим, Французская революция «является событием, создавшим современный мир»¹⁰. Поэтому подготовка

³ Vovelle M. Mémoires vives ou perdues. Essai sur l' Histoire et le souvenir. Paris, 2018, p. 95.

⁴ Ibid., p. 120.

⁵ Ibid., p. 97.

⁶ Бовыкин Д. Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки). — Новая и новейшая история, 2007, № 1; Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009; Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания. М., 2017.

⁷ О предшествующем развитии отечественной историографии Революции автор этой статьи уже писала: Танышина Н. П. К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой русской школы». — Новая и новейшая история, 2018, № 6.

⁸ Dictionnaire critique de la Révolution française. Sous dir. de F. Furet, M. Ozouf, 5 v. Paris, 1988. Впоследствии словарь неоднократно переиздавался. Автор использует издание 2017 г.: т. 5, p. 9.

⁹ Ibid., p. 19.

¹⁰ Martin J.-C. Une guerre interminable. La Vendée deux cents ans après. Paris, 1985, p. 8.

к юбилею и его празднование стали настоящим политическим событием, в очередной раз продемонстрировав теснейшую взаимосвязь между политикой и наукой, а также непреходящую политическую ангажированность французских историков. Вопрос об этом в свое время был поставлен видным французским ученым, одним из классиков «новых прочтений» Революции Франсуа Фюре, работы которого во многом и вызвали широкую дискуссию вокруг Французской революции. В самом начале своей книги «Размышляя о Французской революции» он подчеркивал, что писать о Революции — это совсем иное, нежели писать о Меровингах или Столетней войне: «Историк должен заявить о своих политических пристрастиях. Он должен сообщить, с каких позиций выступает, что думает, что исследует. Занимает ли он точку зрения роялистскую, либеральную или якобинскую»¹¹. Вовель, вечный оппонент Фюре, в этом вопросе с ним полностью солидарен. Это именно «битва за двухсотлетие», в том числе и личная битва Вовеля.

Сразу договоримся о терминах. Ту школу, которую в СССР было принято именовать «ревизионистской» и к которой принадлежал Ф. Фюре, во Франции и в современной России называют «критической». В 1970-х годах в Пятой республике сложилась группа левых интеллектуалов, принявших участие в подготовке программы будущего президента-социалиста Франсуа Миттерана. Она базировалась в Школе высших исследований в гуманитарных науках. Наиболее видные ее представители — Пьер Розанваллон, Франсуа Фюре, Марсель Гоше. Этих левых интеллектуалов и называли «критической школой». «Ревизионисты» же во французском понимании — это публицисты и политики, пытающиеся отрицать массовое уничтожение евреев нацистами в годы Третьего рейха¹².

Проект празднований юбилея Революции, предложенный Вовелем, был поддержан на самом высоком уровне, а именно президентом республики Франсуа Миттераном, однако, по словам историка, встретил оппозицию со стороны правых сил, солидаризировавшихся с Ф. Фюре. В стране в ходе этого празднования развернулась жесткая полемика, как научная, так и научно-политическая, актуализированная эпохальными событиями, происходившими в мире. Вовель был убежден, что именно потрясения 1989—1990 гг.: события на площади Тяньаньмэнь, падение Берлинской стены, разрушение социалистического лагеря, кардинально повлияли на мировую историографию. Он так отзывался об этом: «Во всем мире я наблюдал паническое бегство партнеров по социалистическому лагерю. Оно было объявлено с начала 1989 г. Это Тяньаньмэнь отозвалось в Париже»¹³. Вовель задается вопросом: что было бы с коммеморациями Французской революции, если бы эти события произошли раньше?

В результате, по словам Вовеля, чуть ли не все дело празднований оказалось под угрозой. Франсуа Рейнайер написал работу под названием «1789-й год раздирает левую». В Национальной ассамблее Лоран Фабиус организовал colloquium, в котором приняли участие Вовель и Фюре. Марсель Гоше, друг и протеже Франсуа Фюре, заявил: «Социалисты несут историческую ответственность за то, что передали дело коммемораций в руки коммунистов... Нам угрожает ужасное двухсотлетие»¹⁴. Он пугал перспективой празднования юбилея «левой, этой узницей марксистского дискурса с ее деревянным официальным языком»¹⁵. Крайне правые тоже выступили с критикой. Они, по словам Вовеля, воспользовались слабостью догматической левой, призывавшей «минимизировать Вандею, сентябрьские убийства», и требовали

¹¹ Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1983, p. 13.

¹² Мумрофанов А. А. Взгляд на Революцию из современности..., с. 186—187.

¹³ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 131.

¹⁴ Ibid., p. 80.

¹⁵ Ibidem.

реабилитировать Старый порядок. Дело дошло до того, что Вовелю даже захотелось сказать сидевшему рядом коллеге: «Надеюсь, мой запах вас не раздражает?»¹⁶.

Для самого Вовеля юбилейные мероприятия вылились еще в 10 лет «патриотических миссий». Только в 1989 г. он объехал всю планету, посетив более 50 конференций в разных странах мира — примерно по одной в неделю. В целом же он посчитал, что с 1982 по 1996 г. побывал в 152 местах, в среднем совершая по 10 экспедиций в год¹⁷. 550 коллоквиумов — и это неполная цифра. Половина — во Франции, в Париже и провинции, половина — за ее пределами¹⁸. «Патриотический миссионер» Вовель воспринимал «Великую Революцию» в теснейшей взаимосвязи с вопросами образования и в целом с проблемами «революций вчерашних и нынешних», как указано на обложке его книги воспоминаний.

В 1990 г. бурная полемика развернулась вокруг статьи французского социолога Эдгара Морена, опубликованной в июне этого же года в «Ле Монд» под названием: «Демифицировать и ремифицировать Французскую революцию». Констатируя революционный ренессанс, автор говорил о переплетении циклов революций за свободу и революций за равенство. Он сделал вывод о необходимости реабилитации Французской революции на руинах Октябрьской революции, сожалел о «некоторых концептах Французской революции», а именно о сопутствовавшей ей жестокости, переросшей в Террор¹⁹. Поэтому, по мнению Морена, было необходимо не только «демифицировать», но и «ремифицировать Революцию», вернув ей ее истинный смысл, избалованный от крайностей Террора, и сохранив, таким образом, ее позитивный имидж²⁰.

Историки «классической школы» не могли согласиться с таким подходом, поскольку вся система ценностей Третьей, Четвертой и Пятой республик восходила к Французской революции. Соответственно, поставить под сомнение освященную временем картину событий для многих французских историков оказалось довольно сложно. По словам Вовеля, Морен, этот «новый Декарт», представил революционный эпизод лишь как некое «завихрение, в итоге приведшее к Термидору»²¹. Вовель не может отречься от проблематики социальной истории, он должен остаться верным подходу, при котором «научная требовательность и идеологические обязательства являлись бы нераздельными и необходимыми, чтобы изучать то, что означает сегодня термин “Революция”»²². Как видим, он прямо говорит об идеологической позиции историка при изучении революции. Но ее «демифицировать и ремифицировать» он отказывается.

Однако перемены было невозможно остановить. Размывание устоев классической историографии продолжилось в августе 1990 г. в ходе работы XVII Международного конгресса исторических наук в Мадриде, где одной из главных тем была: «Революции и реформы: их влияние на историю общества». Вовелю пришлось не по душе уже сама постановка вопроса. По его словам, на этом форуме превалировал «компромисс незаконнорожденный ассоциации “реформы и революции”»²³. Работу конгресса Вовель сравнил с «ночью чудес» 4 августа 1789 г.²⁴ По его словам, если западные участники форума предлагали растворить революцию в мифе, то представители советской делегации настаивали на продолжении революции в иной, реформистской, форме. В целом, делегатов из СССР и стран соцлагаря Вовель воспринимал скептически, как

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid., p. 183.

¹⁸ Ibid., p. 91.

¹⁹ Ibid., p. 162.

²⁰ Ibid., p. 131.

²¹ Ibid., p. 162.

²² Ibid., p. 163.

²³ Ibid., p. 201.

²⁴ Ibid., p. 162.

перебежчиков: «Когда к трибуне в ходе свободной дискуссии подходили поляки, чехи, венгры, а также русские и китайцы, они производили впечатление “стыдливых революционеров”, или “стыдливых материалистов”». В целом, по мнению Вовеля, на конгрессе «превалировала моральная или этическая фразеология, а также восхваление реформистского пути развития как средства политической стабилизации»²⁵.

Именно на этом конгрессе в дебатах слово взял тогда молодой, но перспективный историк А. В. Чудинов, высказав мысль, что безразмерно широкое употребление в историографии понятия «революция» позволяет использовать его для обозначения совершенно разных явлений, имевших между собою мало общего. По словам Чудинова, термин «революция» нуждался, как минимум, в серьезном уточнении. Это пятиминутное выступление вызвало на конгрессе целую дискуссию. И коллегам Чудинова по советской делегации, и их идейным союзникам из числа левых западных историков, и особенно их оппонентам подобное проявление свободомыслия в прежде монолитных рядах советских ученых показалось чем-то из ряда вон выходящим. Среди «упрекавших» А. В. Чудинова «в утрате ориентиров» был и известный французский историк-марксист Клод Мазорик, заявивший о непреходящем мировом значении Октябрьской революции 1917 г.²⁶

Однако сомнения относительно того, как будет развиваться наука, были и у самих историков-марксистов. Тот же Вовель в мемуарах задается вопросом: «Должен ли рассматриваться конгресс в Мадриде как увертюра или как финал (исследований о революции. — *Н. Т.*)?»²⁷.

200-летний юбилей Французской революции не завершился в 1989 г., как и сама Революция не закончилась в 1789 г. Поскольку Революция продолжалась, как чаще всего считается в историографии, до 1799 г., предстояли, как ожидалось, 10 лет юбилеев памятных событий всего революционного десятилетия. В статье, опубликованной в «Юманите» от 10 апреля 1992 г., Вовель призвал общественность мобилизоваться не только для празднования 20 сентября, официальной даты 200-летия свержения монархии в 1792 г., но и 10 августа, как воспоминания о дне штурма Тюильри. Со своей стороны, правые в лице Национального фронта запланировали на 15 августа манифестацию, дабы почтить память «жертв Революции». В юбилейные торжества снова вмешалась политика. Со стороны правительства поддержка была весьма умеренной. В результате состоялась лишь торжественная церемония в Тюильри 21 сентября 1992 г., и была открыта экспозиция в Национальных архивах. Только Сорбонна провела международный colloquium на тему «Республика и Революция, французское исключение», организованный ИИФР. И здесь не обошлось без политики: colloquium проходил без Ф. Миттерана, тогда уже тяжело больного. Премьер-министр Пьер Береговуа произнес торжественную речь, после которой в растерянности спросил М. Вовеля, что же делать дальше? В итоге, запели Марсельезу!²⁸ Акты colloquium были опубликованы, как пишет Вовель, не без труда.

Как оказалось, коммеморативного бума 1989 г. было достаточно, чтобы мировая общественность пресытилась революционной проблематикой. Почему это произошло? Во многом вследствие глобальных перемен в мире, а именно событий 1989–1990 гг. и начавшегося распада системы социализма.

Что касается научных споров, то они продолжались и впоследствии, прежде всего между историками «критического направления», или «фюретистами», и сторонниками «классической» школы. Вовель с завидной регулярностью предсказывал угасание «ревизионистского фюретизма», будучи несогласным с формулой Фюре о том, что

²⁵ Ibidem.

²⁶ Чудинов А. В. Жизнь и революция. Интервью с Клодом Мазориком. — Французский ежегодник 2018. Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. Под ред. А. В. Чудинова. М., 2018, с. 398.

²⁷ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 132.

²⁸ Ibid., p. 129.

«Революция окончена», хотя, на мой взгляд, Фюре сам говорил о постоянном присутствии Революции в социополитическом пространстве современного мира. В предисловии к «Критическому словарю» он писал: «Сегодня мы уже далеки от Французской революции, но мы живем в мире, созданном ею»²⁹. Замысел словаря, по словам Фюре, заключался в том, чтобы показать, «как на протяжении уже более чем 200 лет в мире существует идея общности всех людей»³⁰. Но для Вовеля Фюре — как кость в горле, он постоянно с ним борется. В самом начале он еще верил в возможность мирного сосуществования; вместе они выпустили «Атлас Революции» под эгидой «Издательства Двухсотлетнего юбилея». Вместе они выступали на «круглых столах», в Риме и Амстердаме, каждый в своем амплуа, до того самого момента, пока Вовель не раскритиковал книгу Фюре о Революции, что и повлекло за собой острую полемику между ними. «Фюре переходит в атаку», — именно так называется один из подразделов книги Вовеля³¹. Когда М. Вовеля награждали орденом Почетного легиона, по его словам, президент Ф. Миттеран сказал ему: «Я благодарю вас за то, что вы сделали для двухсотлетия... без вас мы везде имели бы этих Фюре»³². Сторонников Фюре Вовель не приемлет, а его идеи хоронит, хотя сам же говорит о кризисе классической историографии: «Я не был слишком оптимистично настроен относительно якобинской или классической историографии, пораженной конъюнктурными влияниями». По его словам, «во Франции, как и в США, назавтра после июля 1989 г. для Революции времени больше не было»³³.

В 1995 г. на XVIII Международном конгрессе исторических наук в Монреале разгорелась дискуссия в ходе работы «круглого стола» по теме «Утопии в истории», которым руководил Чудинов. Обширный зал Дворца конгрессов под завязку был забит зрителями. В ходе свободной дискуссии началась бурная полемика. Североамериканские ультраконсерваторы, левые активисты из Латинской Америки, либеральные демократы и демократические либералы из Восточной Европы, коммунисты из Западной Европы, североамериканские троцкисты, как вспоминает Чудинов, «спорили все между собой до хрипоты о Французской и Октябрьской революциях, о религии и коммунизме, о нацизме и Просвещении, о Бабефе и Ленине, о Руссо и Гитлере, о Сталине и Троцком»³⁴. После перерыва участники заседания, вернувшись в зал, заняли места уже согласно своим политическим пристрастиям — справа и слева от председателя, в полном соответствии с канонами политической культуры, рожденной Французской революцией³⁵.

По мнению Вовеля, на этом конгрессе возобладал следующий подход к изучению Революции: «От всякого социального ко всякому политическому». Такой подход, по его словам, инспирировали и его собственные работы. В 1990 г. он переиздал свое эссе, которое сам считает программным: «Якобинцы. От Робеспьера к Шевенману»; в 1993 г. была опубликована его работа «Переоткрывая политику. Геополитика Французской революции»³⁶.

* * *

Пока французские историки бились в политико-исторических схватках, в России на фоне глубоких политических изменений происходили и трансформации в исследовательском поле. С падением политического режима, напрямую связывавшего свое

²⁹ Dictionnaire critique de la Révolution française, p. 19.

³⁰ Ibid., p. 18.

³¹ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 95.

³² Ibid., p. 128.

³³ Ibid., p. 163.

³⁴ Чудинов А. В. Жизнь и революция..., с. 400.

³⁵ Там же.

³⁶ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 191.

происхождение с мировой революционной традицией, историческая память о революционных событиях во Франции прекратила быть для российских историков средством самоидентификации и перестала восприниматься как нечто, напрямую связанное с современностью³⁷. После 1991 г. прежний политически ангажированный интерес к Революции моментально испарился. Однако оказалось, что и вся революционная проблематика вообще весьма быстро стала выходить из моды.

Сразу после 14 июля 1989 г. юбилейная программа в СССР начала резко сворачиваться. Даже уже предусмотренные и собранные коллективные работы в издательства так и не попали: «Просвещение, Французская революция и русское общество» под редакцией А. Л. Нарочницкого, «Историография Великой французской революции» под редакцией В. В. Согрина, «Французская революция и европейская цивилизация. Материалы международной конференции в Москве 17–19 апреля 1989 г.» В условиях быстрого оскудения материальных и, в частности, полиграфических ресурсов академическое начальство сочло избыточным дальнейшее изучение революционной проблематики как чуждой либеральной парадигме, преобладавшей в новых политических реалиях. Особенно ощутимо это стало после краха Советского Союза³⁸.

Наиболее тяжелыми для корпорации отечественных историков Французской революции стали кадровые потери. Ушли из жизни корифеи франковедения: А. В. Адо, Г. С. Кучеренко. В те же годы ряд их более молодых коллег по разным обстоятельствам оставили историческую науку (Е. М. Кожокин, Э. Е. Гусейнов, И. Н. Кузнецов, Д. А. Ростиславлев и др.). Многие же из тех, кто остался, отказались от революционной тематики, обратившись к изучению новейшей истории (А. В. Ревякин, Е. О. Обичкина), эпохи Просвещения (С. Я. Карп, Е. И. Лебедева, Н. Ю. Плавинская), эпистемологии (З. А. Чеканцева).

* * *

Во Франции же в январе 1996 г. ушел из жизни Ф. Миттеран. Для М. Вовеля его смерть стала некоторым водоразделом в праздновании 200-летия. Она ознаменовала спад юбилейных мероприятий, но движение продолжалось, во многом уже по инерции.

А в 1997 г. скоропостижно ушел из жизни Ф. Фюре. Накануне своей смерти, координируя издание книги «Наследие Революции», он поместил в нее главу, написанную Витторио Страда, посвященную будущему революций. Вовель резко критично воспринял этот текст. Этот «подражатель» Фюре, по его словам, провозгласил конец цикла революций, вызванных Революцией XVIII в. Страда говорит об атлантических революциях начиная с 1789 г., затем переходит к либеральным революциям и национальным движениям XIX в. и завершает эпизодами конца XX в. Отныне революции, по мнению Страды, будут только технологическими, научными и информационными (медиа), свободными от прежних эксцессов. В условиях торжествующего либерализма концепция и практика революции изменили смысл³⁹. Как пишет Вовель, эта работа Фюре появилась до краха системы социализма, и он проявил в ней некую неосторожность. Однако бурные перемены в мире и новый цикл революций дали, по его словам, резоны Фюре и его приверженцам⁴⁰.

Столь же критично относится к идеям Ф. Фюре и К. Мазорик, считая, что он не изобрел ничего нового, а лишь пересказывал идеи «группы Коппе», т.е. либералов периода Революции, собиравшихся в имении Коппе на берегу Женевского озера у Жермены де Сталь и Бенжамена Констана. Фюре, по его словам, создавая видимость бунтарства, пытался выглядеть сторонником «радикального обновления», восставшим против официального «консерватизма», олицетворяемого республиканскими

³⁷ Чудинов А. В. История Французской революции..., с. 221.

³⁸ Там же, с. 163.

³⁹ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 132.

⁴⁰ Ibid., p. 197.

историками. Однако, по мнению Мазорика, «за этим фасадом, помимо доктрины Токвиля, скрывался старый консервативный либерализм, лишь сменивший внешность»⁴¹.

По словам ученика М. Вовеля Пьера Серна, во Франции с 1990-х годов произошла «настоящая вульгаризация» идей Фюре: «всю Революцию сводят к Террору, весь Террор к личности одного Робеспьера, а Робеспьера “сужают” собственно до гильотины. Такое упрощение истории не имеет оправданий»⁴².

На развитии французской науки отразилась и начавшаяся реструктуризация научных организаций, занимавшихся изучением Революции. В этом также отразилось изменение места Революции в исторической тематике. Была реорганизована Комиссия Жореса⁴³, занимавшая привилегированный статус в структуре французского Комитета научных и исторических работ, что обеспечивало ей большую степень самостоятельности в программах и публикациях⁴⁴. В конце 1990 г. Комиссия Жореса была включена в конгломерат секции Новой истории и революций Французского комитета научных и исторических работ, где и была поглощена. Вовель называет это событие не иначе, как «насильственным браком»⁴⁵. После 1993 г. ИИФР и Комиссия Жореса, по словам Вовеля, вообще оказались под угрозой ликвидации. В 2000 г. он вновь пытался выступить в защиту Комиссии Жореса, «подвергнутой эвтаназии за два года до ее 100-летия» (которое исполнялось в 2003 г.). Ему удалось заручиться подписями двух левых министров, один из которых был социалистом. Но только «Юманите» отразило эту дискуссию, и только один человек, генеральный секретарь социалистической партии, Франсуа Оланд, как вспоминал М. Вовель, в своем письме выразил живую поддержку, однако и тут продолжения не последовало⁴⁶. Битва за Комиссию Жореса была проиграна, и Вовель говорит о ее «смертной казни»⁴⁷.

Перемены затронули также Общество истории Французской революции и Общество робеспьеристских исследований, между которыми, по выражению Вовеля, произошел «развод». Вовель даже ставит провокационный и болезненный вопрос: «Вы все еще робеспьеристы?». Проблемы коснулись и журнала «Анналы Французской революции» («*Annales historiques de la Révolution française*»). Вовель в 1994 г. был одним из его четырех сопредседателей (другие — Сюрато, Мазорик и Берто). Выполняя, помимо этого, функции генерального секретаря и директора публикаций журнала, Вовель хотел его модернизировать. Однако модернизация вылилась во внутреннюю борьбу за руководство.

Эти разногласия и дискуссии Вовель называет не иначе, как войной: «Пошла война, разделение на врагов и друзей в университетах и на факультетах. В старой Сорбонне, где сосуществовали Париж-I и Париж-IV, последние, следуя разделению 1968 г., поддерживали бастион контрреволюции, объединились вокруг Шоню и некоторых других»⁴⁸. В результате Вовель был вынужден констатировать, что классическое направление исследований не получило мощного развития в новом поколении историков. Парижский центр, по его словам, потерял свою былую ауру⁴⁹. «Надо признать, что Институт Революции в Сорбонне сегодня является, скорее, только одной

⁴¹ Чудинов А. В. Жизнь и революция..., с. 405.

⁴² Митрофанов А. А. Взгляд на Революцию из современности..., с. 189.

⁴³ Сначала была создана Комиссия экономической истории, потом она стала Комиссией истории Французской революции и только потом Комиссией Жореса, по имени ее создателя (в 1903 г.).

⁴⁴ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 51.

⁴⁵ Ibid., p. 201.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibid., p. 174.

⁴⁸ Ibid., p. 97.

⁴⁹ Ibid., p. 201.

из символических, нежели реальных опор присутствия Революции в культуре, памяти и институтах современной Франции. Его нужно защищать»⁵⁰, — такой вывод делает он. В то же время, у него много учеников, которых он именует «вовелевским поколением». Часть их, и не они только, были в конце 1990-х инкорпорированы в интеллектуальное поле Франции, занимаясь изучением революции в Лилле, Руане, Тулузе, Дижоне, Экс-ан-Провансе, Авиньоне.

После Вовеля директором ИИФР стала его скандальная протеже Катрин Дюпра, с деятельностью которой начался упадок института, продолжившийся и при Жане-Клемане Мартене, крупном специалисте по истории Революции и Вандеи. Назначение Мартена в 2000 г., по словам Вовеля, можно рассматривать «как логичное отражение историографического, университетского и политического климата». Он постоянно отмечает политическую ангажированность, и назначение Мартена для него — решение не научное, а политическое⁵¹. Отметим, что Мартен, возглавлявший институт до 2008 г., открыто заявлял о себе как о некоммунисте. Он предложил создать Фонд Революции, подобно Фонду Наполеона, действующему под руководством Тьерри Ленца. Вовель к этой идее отнесся настороженно. В 2008 г. институт возглавил его ученик Пьер Серна, профессор университета Париж-I — Пантеон Сорбонна, вице-президент Международной комиссии по истории Французской революции, считающий себя приверженцем принципов, заложенных А. Оларом при создании им кафедры Французской революции в Сорбонне⁵². Но и он, по словам Вовеля, был не в состоянии изменить ситуацию. В качестве примера Вовель приводит историю с его собственной библиотекой, 3 тыс. книг, которые он решил передать институту. Серна собрал сумму, необходимую для сохранения в библиотеке института «фондов Вовеля». Однако книги оказались заблокированы в университете Париж-I, поскольку дирекция Сорбонны не признавала автономного существования института. «Они» опять победили, — такой вывод делает Вовель, даже не желая называть своих врагов, просто «они»⁵³.

Итак, 1990-е годы были отмечены спадом в мировой историографии Революции. Тогда в эпоху, казалось бы, повсеместного апофеоза либерализма многие и в самом деле считали изучение Революции анахронизмом. В то же время историки-коммунисты Вовель и Мазорик еще пользовались среди представителей «классической» историографии большим влиянием и, как мы видели, воспринимали попытки «ревизии» основ «классической» историографии не иначе как идеологическую диверсию. Поэтому они оставались глухими даже к сугубо научным аргументам сторонников «критического» направления. Число же последних к началу 2000-х, напротив, заметно сократилось: кто-то уже ушел из жизни, кто-то сменил тематику исследований. С революционной проблематикой продолжал активно работать лишь известный специалист по Террору Патрис Генифе. Поэтому со стороны вполне могло показаться, что основные положения «классической» интерпретации остались незыблемыми, а некогда нападавшие на них оппоненты, напротив, оказались рассеяны.

* * *

Если во Франции революционные споры вылились сначала в политические дебаты, а потом и вовсе революционная тематика начала угасать, то в России на фоне общего спада интереса к Революции в науке остались энтузиасты. Именно эти люди, пережившие вместе со страной перипетии начала века, составили современную корпорацию историков Французской революции. Из ныне практикующих историков Революции, пожалуй, только С. Ф. Блуменау, А. В. Гордон и А. В. Чудинов начали свой

⁵⁰ Ibid., p. 202.

⁵¹ Ibid., p. 183.

⁵² Митрофанов А. А. Взгляд на Революцию из современности..., с. 187.

⁵³ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 203.

научный путь еще в советское время; остальные — это уже чисто российская формация исследователей.

Это новое поколение историков Французской революции стало именовать себя «новой русской школой», а сам новый курс в развитии историографии Революции получил название «смены вех» по одноименной статье Чудинова, в которой автор проследил основные тенденции и подвел общие итоги 200-летнего юбилея⁵⁴. Статья получила широкий резонанс, дважды была издана во Франции⁵⁵, а ее название стало нарицательным для обозначения перехода от советской историографии Французской революции к историографии современной российской.

Изменилось и соотношение между «новой русской школой» и французской историографией. С момента возникновения российской историографии Революции французская наука служила для отечественной историографии своего рода эталоном и флагманом, за которым необходимо следовать. Следствием этого явилась зависимость от этого флагамена как историков «русской школы», так и советских исследователей. «Смена вех» означала отказ от безоговорочного воспроизведения положений «классической» историографии, в том числе противоречивших результатам конкретных исследований.

Было ли это оправдано? Известный российский франковед, профессор Московского университета В. П. Смирнов, главный критик «смены вех», убежден, что сугубо научные предпосылки для нее отсутствовали: «Факты, на которые ссылается в своей статье (“Смена вех”. — Н. Т.) А. В. Чудинов, далеко не новы. ...Манфред, Далин и другие советские историки хорошо знали работы “ревизионистов”, но не считали их доказательства убедительными... Почему же теперь, 30 лет спустя, аргументы “ревизионистов” кажутся неопровержимыми историкам постсоветского поколения?»⁵⁶. Собственно, во Франции о том же самом говорят Вовель и Мазорик.

А что французские историки думают о «новой русской школе»? Перемены в российской науке они восприняли как какой-то непонятный «занос», уводящий с магистрального пути исследований. По словам Мазорика, исчезновение официальной марксистско-ленинской идеологии привело к утверждению в культурной и интеллектуальной жизни России обычных форм циркуляции идей, характерных для «либеральных» политических систем. Соответственно, полагает Мазорик, для большинства российских историков свойственен новый подход к трактовке историографии Французской революции: «Если они и не отрицают “универсальный” характер “Декларации прав человека и гражданина”, которая неотъемлема от “Революции во Франции”, как писал Бёрк, то пророческого послания и новой основы для цивилизации они в ней больше не видят»⁵⁷. Российские историки, как он полагает, превозносят «путь Термидора», который в некотором роде обеспечивает преемственность между Российской империей и Российской Федерацией. По словам Мазорика, многие видят в этой эволюции имплицитный переход на идеологические позиции нео- и ордолиберализма более или менее «фюретистского» типа, который так или иначе доминирует, если не в университетском, то в политическом и культурном пространстве западных государств⁵⁸.

Как видим, Мазорик допускает «смену вех», но подчеркивает, что, меняя их, необходимо «позаботиться о том, чтобы эта оболочка не стала прикрытием для отказа от главного». Он высоко оценивает труды первых историков «революционной России», таких как Тарле, Косминский или Кареев, которые, по его словам, старались

⁵⁴ Чудинов А. В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография. — Французский ежегодник 2000. Под ред. А. В. Чудинова. М., 2000.

⁵⁵ Tchoudinov A. La Révolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, «changement de jalons». — Cahiers du monde russe, 2002, № 2/3.

⁵⁶ Смирнов В. П. Две жизни одного издания. — Новая и новейшая история, 2002, № 3, с. 225.

⁵⁷ Чудинов А. В. Жизнь и революция..., с. 419.

⁵⁸ Там же, с. 419–420.

«сохранить в советский период все ценное, имевшееся в российской историографии имперского периода»⁵⁹. Поэтому, по его словам, и современные российские историки не должны отказываться от достижений советской школы.

* * *

Бурное начало XXI столетия, ознаменовавшееся волной «цветных» революций и «арабской весной», вновь пробудило в мировой историографии интерес к изучению революционного опыта прошлого и придало мощный импульс дальнейшим исследованиям. Особенно политические параллели стали проводиться после событий «арабской весны». П. Серна в 2013 г. говорил: «Мы снова в 1789 г. История снова на марше. Революция началась». Правда, по словам М. Вовеля, более скромно он уточнял: «Началась эра бунтов»⁶⁰. Для Вовеля Революция тоже не окончилась. Спустя много лет после смерти Ф. Фюре, он никак не может расстаться со своим оппонентом, подчеркивая: «Фюретизм не может объяснить феномен арабских революций»⁶¹; «иракский, сирийский, ливийский, испанский или греческий хаос широко открывают пути для революции»⁶².

Если в России «смена вех» давно произошла, то во французской «классической» историографии она только идет. Правда, во Франции, в отличие от нашей страны, Революция все еще остается идеологически значимой темой, поэтому изменения происходят гораздо медленнее и прикрываются множеством оговорок. Эти противоречия проявились, в частности, после публикации в 2008 г. под руководством Рено Эсканда знаменитой «Черной книги Французской революции»⁶³. В этом издании приняли участие такие известные французские историки, как Э. Леруа Ладюри, Ж.-К. Птифис, Ж. Тюлар, П. Шоню, Р. Сеше, Кс. Мартен и др. Книга была весьма неоднозначно встречена во Франции. Мазорик говорит о ее откровенно «публицистическом западе», именуя ее «идушим страница за страницей ретроспективным судебным процессом над Революцией». По его мнению, это просто очередной «пересказ тезисов контр-революционной мысли, впервые высказанных еще в революционный период, затем, после 1815 г., воспроизведенных консервативной историографией эпохи Реставрации и, наконец, вновь вернувшихся в оригинальной форме уже на исходе XIX в., после окончательной победы республиканцев»⁶⁴. По словам Мазорика, взятая на вооружение и усердно повторяемая в «Черной книге» идея состоит в том, что достигнутый в ходе революции прогресс носил иллюзорный характер. Мазорик с этим в корне не согласен⁶⁵. По словам историка Сириля Триолера, одного из активных деятелей Общества робеспьеристских исследований, это «очень спорная книга, в жесткой форме порывающая со многими десятилетиями плодотворных исследований»⁶⁶.

В целом, представители Общества робеспьеристских исследований не сдаются и считают, что именно марксистская историография по-прежнему задает тон в изучении Революции. По словам С. Триолера, если классическая школа, «собулевская», «еще живет, способна эволюционировать, инвестировать в новые исследовательские поля и создавать поколения ученых-преподавателей с помощью Общества робеспьеристских исследований и Института истории Французской революции, то вторая, «фюретистская», не создала школу, и Фюре имеет очень мало последователей — его

⁵⁹ Там же, с. 421.

⁶⁰ Vovelle M. Mémoires..., p. 119.

⁶¹ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 198.

⁶² Ibid., p. 199.

⁶³ Le Livre noir de la Révolution française. Sous la direction de R. Escande. Paris, 2008.

⁶⁴ Чудинов А. В. Жизнь и революция..., с. 408.

⁶⁵ Там же, с. 409.

⁶⁶ La Revolution française au miroir des recherches actuelles. Actes du colloque tenu à Ivry-sur-Seine (15–16 juin 2010). Sous la dir. C. Triolaire. Paris, 2011, p. 12.

редкие наследники распылены в университетском пространстве между многими другими исследователями»⁶⁷.

В противоположность Фюре и его идее о том, что Революция закончилась, историки-марксисты даже книги издают с противоположными названиями. Так, в 2009 г. под руководством Мишеля Биара вышла книга под названием «Французская революция. Всегда живая история»⁶⁸. Самих себя члены Общества робеспьеристских исследований именуют не иначе, как «историками-гражданами», и постоянно вспоминают слова Вовеля: «Отбросим все ненужное и возродим пламя, которое все еще горит и может осветить будущее»⁶⁹. По словам Триолера, было бы ошибкой полагать, будто эра революций окончилась. Еще одной ошибкой, по его мнению, было бы считать, что лишь ожидание повторения событий, подобных концу 1960-х годов, способно вернуть интерес к Революции. По его словам, отсутствие «атмосферы социальных и политических потрясений» вовсе не мешает изучению Революции и у серьезной публики существует к ней глубокий интерес⁷⁰. Вовель, также говоря о непреходящей актуальности Революции, отмечал, что и власти это понимали. В частности, по его словам, интерес к Революции, спровоцированный 200-летним юбилеем, в качестве одного из последствий имел возвращение в школьные программы министром Ж.-П. Шевенманом изучение «Марсельезы»⁷¹. Правда, один из подзаголовков его воспоминаний носит название «Символы тоже мертвы». Вовель с сожалением констатирует: несмотря на то, что игроки футбольной команды Франции слушают на стадионе «Марсельезу», положив руку на сердце, слов гимна они не знают. Если его прадед пел семь куплетов «Марсельезы», его собственное поколение — всего три, то его дочка — только один⁷².

Несмотря на то, что историки-марксисты как настоящие бойцы не сдаются, постепенно во французской «классической» историографии Революции происходит смена лидеров. Теперь во главе французской науки стоят люди нового поколения. Соглашусь с Чудиновым, что процессы, происходящие в современной французской историографии, подтверждают тот факт, что, сменив в свое время «вехи», российские историки не только выбрали правильный курс, но и смогли оказаться впереди своего бывшего «флагмана».

1 января 2016 г. произошло событие, потрясшее мировое сообщество историков Французской революции: ИИФР прекратил свое существование, растворившись в еще одном структурном подразделении университета Париж-I — Институте новой и новейшей истории. Ушло в прошлое учреждение, бывшее на протяжении 80 лет одним из лидеров мировой историографии Революции. Вовель задается вопросом: «Это просто неурядица или это финальная точка существования института в процессе его поглощения Институтом новой и новейшей истории, как и Комиссии Жореса?»⁷³. По его словам, все эти административные пертурбации, а, говоря современным языком, «оптимизации», вписаны в общий контекст превратностей изучения Революции в современной Франции.

Каковы новейшие тенденции во французской историографии, пусть и не признанные историками-марксистами? Такой анализ можно сделать, рассмотрев работы ведущих современных историков, таких как Эрве Лёверс, Жан-Клод Мартен, Патрис Генифе, Пьер Серна и Рейналь Сеше. Помимо того, что они являются крупными специалистами, они занимали или занимают важные посты в научной иерархии Франции. Э. Лёверс является президентом Общества робеспьеристских исследований.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ *La Revolution française. Une histoire toujours vivante*. Sous la dir. M. Biard. Paris, 2009.

⁶⁹ Ibid., p. 13.

⁷⁰ *La Revolution française au miroir des recherches actuelles*, p. 12–13.

⁷¹ *Vovelle M. Mémoires...*, p. 102.

⁷² Ibid., p. 103.

⁷³ *Vovelle M. La bataille du Bicentenaire...*, p. 203.

Ж.-К. Мартен, как мы знаем, в 2000–2008 гг. возглавлял ИИФР, а ныне является почетным профессором университета Париж-И. П. Серна руководил ИИФР до 2016 г., а ныне является вице-президентом Международной комиссии по истории Французской революции. Изучение позиций этих историков как руководителей ИИФР и «Анналов Французской революции» весьма показательно. Ведь традиционно эти структуры, наряду с издающим этот журнал Обществом робеспьеристских исследований, задавали тон так называемой «классической» историографии Революции. Поэтому Вовель и Мазорик весьма критично относятся к этим «отступникам».

П. Генифе — один из наиболее ярких специалистов по истории Революции, Консульства и Империи — много лет работает в Высшей школе социальных исследований (Париж) научным сотрудником Центра политических исследований им. Р. Арона, который он возглавлял в 2006–2008 гг. Генифе является одним из ведущих представителей «критической» историографии. Р. Сеше — доктор истории и публицист, владелец издательства «Reynald Secher Édition», президент ассоциации «Память о будущем Европы», и в целом несистемный историк. Поэтому анализ работ этих исследователей позволяет сформировать вполне целостное представление о современном состоянии французской науки⁷⁴.

Работы Мартена, Лёверса и Генифе носят обобщающий характер. Книга Лёверса о Революции и Наполеоновской империи⁷⁵ написана, по признанию самого автора, для того, чтобы познакомить читателей с новейшими интерпретациями этого периода в современной историографии. Работа Мартена «Новая история Французской революции»⁷⁶ также является прежде всего осмыслением историографических достижений последних лет. Совсем недавно под руководством Ж.-К. Мартена вышел «Словарь контрреволюции», что свидетельствует об интересе к этой, прежде малоизученной, стороне революционной эпохи⁷⁷.

П. Генифе был среди авторов знаменитого «Критического словаря Французской революции». Как писали в предисловии к нему Ф. Фюре и М. Озуф, этот словарь не является таковым в классическом смысле этого слова. Он, скорее, близок Энциклопедии эпохи Просвещения и включает в себя ключевые слова по пяти разделам: события (например, Великий страх, Ночь 4 августа, Террор, Вандея), участники (санкюлоты, монархисты, термидорианцы, Наполеон, Людовик XVI), практическая реализация (департаменты, избирательное право, Парижская Коммуна, клубы), идеи (Революция, Старый порядок, аристократия, суверенитет, права человека), историки (Мишле, Жорес, Луи Блан, Бёрк)⁷⁸. По словам Генифе, «Критический словарь» был, «по сути, своеобразным манифестом, направленным против якобинской историографии Революции и господства социальной истории. Эта работа содержала анализ, основанный на двух столпах: изучение политической истории Революции и философский подход к ней. В центре внимания его авторов находилось новое, второе открытие политической культуры Французской революции, т. е. того способа исторической интерпретации, который имел центральное значение для XIX в.⁷⁹ Авторы словаря это особо подчеркивали: объект исследования — Французская революция, ее интерпретация и осмысление — составляют единое и нераздельное исследовательское поле⁸⁰.

⁷⁴ Подробный анализ работ Лёверса и Мартена был предпринят Чудиновым в книге «История Французской революции. Пути познания»; Митрофанов взял интервью у Серна и Генифе, где вполне отчетливо проявляется их собственное кредо и их взгляд на современное состояние науки.

⁷⁵ *Leuwers H. La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnée (1787–1815).* Paris, 2011.

⁷⁶ *Martin J.-C. Nouvelle histoire de la Révolution française.* Paris, 2012.

⁷⁷ *Dictionnaire de la contre-révolution.* Sous la dir. de J.-C. Martin. Paris, 2017.

⁷⁸ *Dictionnaire critique de la Révolution française*, v. 5, p. 11–13.

⁷⁹ *Митрофанов А. А. Синтез истории и философии в изучении Революции: беседа с Патриком Генифе. — Французский ежегодник 2016*, с. 199.

⁸⁰ *Dictionnaire critique de la Révolution française*, p. 9.

Для П. Серна необычайно важным представляется изучение Конституции III года Республики и периода Директории, когда наследники Национального конвента в очень сложных условиях пытались стабилизировать положение и сохранить завоевания Революции. Их цель, по словам Серна, состояла в том, чтобы «создать республиканскую идентичность и Республику, сохранить “наследие 1789 года”, не используя более методы и опыт Террора»⁸¹.

Периоду Директории он посвятил книгу «Республика флюгеров», в которой предложил неологизм для Революции: «крайний центр». По его мнению, тогда у власти во Франции находились политики-центристы. Этот период историки долгое время обходили стороной, хотя именно в те годы, когда требовалось восстановить государство и общественный порядок, у власти находились политики-центристы⁸².

Р. Сеше в течение 30 лет добивается признания резни в Вандее геноцидом. В 1986 г. он написал книгу «Франко-французский геноцид: Вандея — месь»⁸³. Продолжая эту проблематику, в 2011 г. он опубликовал книгу «Вандея: от геноцида к “меморициду”»⁸⁴.

Все эти историки говорят о постоянном присутствии Революции в политическом пространстве Франции, а Революцию воспринимают как матрицу современной Франции, основу многих ее достижений, но, в то же время, многих проблем. Для Серна «республика — это основа всех наших общественных институций, это выражение общей воли, ибо в основе нашего современного общества находится “республиканский пакт”»⁸⁵. Поэтому период Директории для него очень важен: это время «стабилизации республики», период, может быть, не столь «славный», но на протяжении которого были закреплены непрочные республиканские завоевания⁸⁶.

Для Вовеля Французская революция — это безграничный исторический опыт для человечества, это «“Великая революция”, столь краткая, но столь ожидаемая, на которую возлагали столько надежд и которая вызывала столько опасений». По его словам, «сегодня мы живем в эпоху всеобщих потрясений и кризисов, и это заставляет нас переформулировать наши подходы, чтобы понять... ход истории»⁸⁷. А это снова требует обращения к Революции как к первопричине и виновнице всех последующих революций, в том числе и современных.

По словам Сеше, «во Франции всегда было очень трудно говорить о Революции, не пробуждая страсти. Как-никак в истории современной Европы Франция стала первой страной, воплотившей в жизнь идею массового смертоубийства... Она также стала первой страной, которая изобрела и осуществила меморицид, чтобы скрыть это преступление против человечества. В этом смысле революционная и постреволюционная Франция — одновременно и опытная лаборатория, и образец для подражания творящим геноцид режимам»⁸⁸. Для Сеше трагедия Террора — это и семейная трагедия. Его книга «Вандея: от геноцида к меморициду» посвящена в том числе памяти его предков, а именно его прабабушке в пятом поколении Мари-Мадлен Мерсье де Рошет, убитой вместе с ее двумя сестрами, сыном, сводной сестрой и другими 558 жителями коммуны Пти-Люк 28 февраля 1794 г. Из этих 558 жителей 110 были детьми младше семи лет⁸⁹.

В целом можно сказать, что за последние десятилетия «классическая» трактовка Революции подверглась существенной трансформации. Как справедливо отмечает Чудинов, «похоже, полемика между “классическим” и “ревизионистским”

⁸¹ Митрофанов А. А. Взгляд на Революцию из современности..., с. 187.

⁸² Там же, с. 188.

⁸³ Secher R. Le génocide franco-français: la Vendée — Vengé. Paris, 1986.

⁸⁴ Secher R. Vendée: du génocide au mémoricide. Paris, 2011.

⁸⁵ Митрофанов А. А. Взгляд на Революцию из современности..., с. 187.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire..., p. 202.

⁸⁸ Сеше Р. Вандея: от геноцида к «меморициду». — Французский ежегодник 2016, с. 36.

⁸⁹ Secher R. Vendée: du génocide au mémoricide, p. 7.

направлениями Революции принесла плоды, и некогда почти диаметрально противоположные позиции оппонентов сегодня, если и не полностью совпадают, различаются лишь интонацией, которой произносятся одни и те же утверждения»⁹⁰. Современные историки пересматривают не требующий еще недавно обоснования вопрос о том, что причиной Революции был системный кризис общества Старого порядка; о «буржуазии» как о движущей силе революции: согласны с идеей о долгосрочном негативном влиянии Революции на экономическое развитие Франции⁹¹. П. Генифе, более того, именно в революционных потрясениях, прежде всего в убийстве короля Людовика XVI, усматривает истоки последующей политической нестабильности во Франции. Он убежден, что «после цареубийства Франция более не смогла обрести формулу политической стабильности. Только начиная с конституции де Голля такая формула была, наконец, получена»⁹². Кроме того, по мнению историка, «Революция и крушение конституционной монархии создали непреодолимую пропасть между правом и легитимностью, поскольку революционеры, ниспровергая своего короля во имя народа, ниспровергли и свою собственную конституцию»⁹³.

Итак, несмотря на все перипетии, Революция для французских исследователей остается одной из приоритетных тем, достаточно посмотреть на книжные полки в магазинах, где раздел по Революции всегда самый внушительный. Но чем французские историки занимаются сегодня? «Ночи революции»⁹⁴; «Животные революции»⁹⁵; Французская революция в картинках, для детей, в комиксах — такова специфика культуры общества потребления. В то же время, значительное количество современных работ по Революции посвящены изучению политического насилия и Террора. При этом характерно, что в интерпретации Террора во французской историографии до сих пор весьма актуальна архаичная «теория обстоятельств». Это понятно, ведь для того, чтобы найти новое убедительное объяснение Террору, французским историкам пришлось бы рассматривать Революцию лишь как предмет изучения, забыв о ее сакральном месте в политической культуре Франции⁹⁶.

В современной французской историографии «теория обстоятельств» активно критикуется Генифе, рассматривающим террор как «политическую стратегию»⁹⁷. «Террор — это инструментализация насилия с политическими целями, которая проводится самой государственной властью»⁹⁸. Генифе подчеркивает, что истоки Террора надо искать не во внешней ситуации, а в состоянии умов революционеров. Террор «порожден прежде всего коллективными настроениями, которые ретроспективно понять очень трудно»⁹⁹. По мнению Генифе, во Франции террористический режим держался только благодаря обстоятельствам. «Пока военные действия складывались для Франции неудачно, режим сохранялся, но как только поступили первые известия о победах, режим рухнул, поскольку потерял свое оправдание»¹⁰⁰.

Вовель к идеям Генифе относится со скепсисом и даже не считает его продолжателем дела Фюре. Например, в 2015 г., в год юбилея Венского конгресса, он выступил

⁹⁰ Чудинов А. В. История Французской революции..., с. 273.

⁹¹ Подробно см. об этом: Чудинов А. В. История Французской революции..., с. 257–269.

⁹² Митрофанов А. А. Синтез истории и философии..., с. 205–206. В 2018 г. у П. Генифе вышла книга, посвященная компаративному анализу Наполеона и генерала де Голля.

⁹³ Там же, с. 206.

⁹⁴ *Les nuits de la Revolution française*. Sous la dir. de Ph. Bourdin. Paris, 2013.

⁹⁵ Serna P. *Comme des bêtes. Histoire politique de l'animal en Révolution (1750–1840)*. Paris, 2017.

⁹⁶ Чудинов А. В. История Французской революции..., с. 274.

⁹⁷ Митрофанов А. А. Синтез истории и философии..., с. 202.

⁹⁸ Там же, с. 203.

⁹⁹ Чудинов А. В. История Французской революции..., с. 272.

¹⁰⁰ Митрофанов А. А. Синтез истории и философии..., с. 203.

против идеи Генифе о том, что Венский конгресс «положил конец беспорядкам революционного десятилетия и подарил Европе на следующий день после установления режима Реставрации “век мира”». Вовель называет это весьма смелым заявлением, прозвучавшим из уст того, «кто представляется сегодня как наследник Франсуа Фюре, хотя этого и не заслуживает»¹⁰¹.

Именно сквозь призму Террора рассматривает Революцию известная исследовательница Анни Журдан (ассоциированный профессор Университета Амстердама и упраздненного ИИФР Сорбонны) в своей недавней обобщающей работе «Новая история Революции»¹⁰². Книга вызвала широкую общественную дискуссию, а в «Фигаро» 1 февраля 2018 г. появилась статья Ж.-Ф. Паоли под названием: «Новая история Французской революции Анни Журдан: фантом Робеспьера». Автор статьи полагает, что историк желает реабилитировать Террор именем «народного суверенитета». Сама же автор в предисловии к своей работе отмечает, что у Французской революции — плохая репутация. Все признают прекрасную универсальность ее принципов, но стыдятся сопровождавших ее жестокостей и Террора. Для нее террор — это не только политика Робеспьера, а весь период с 1789 по 1794 г.¹⁰³ В целом автор выступает против тенденции писать историю зеркально наоборот: те, кто раньше были плохими, стали хорошими. Так, она приводит в качестве примера высказывание одного историка, заявившего в телевизионной программе, что «король очень хотел революции, но революция не хотела короля»¹⁰⁴. А. Журдан защищает Революцию от упреков в том, что именно она породила тоталитаризм и террор большевиков или нацистов¹⁰⁵. Для Журдан Революция — это «будущее в настоящем», как в свое время сказал Виктор Гюго.

Во время и после празднования 200-летнего юбилея Французской революции не только либеральная историография попыталась потеснить марксистскую, но и историография, враждебная Революции в целом. Речь идет о работах Сеше и его стремлении признать войну в Вандее геноцидом. Однако эта позиция вызывает резкое отторжение у левой историографии. Так, Мазорик именует идею «франко-французского геноцида» Сеше «безумной фантазмагорией», которая «не поддерживается ни одним серьезным историком»¹⁰⁶. Однако Сеше вовсе не безумец. К примеру, П. Шоню весьма высоко оценивает его работы. Он написал предисловие к книге Сеше 1992 г. издания, где солидаризировался с его идеями, именую войну в Вандее геноцидом: «Эта война была самой жестокой из всех религиозных войн и первым идеологическим геноцидом»¹⁰⁷. По его словам, горькая правда лучше сладкой лжи, однако обществу трудно это принять¹⁰⁸. На это же в предисловии к книге Сеше указал профессор Университета Париж-IV Сорбонна Жан Мейе: «Еще одна книга о Вандее? Одной больше? И что она несет нового? Откуда с самого начала все эти возгласы людей, даже не читавших книгу?». Во многом это происходит потому, что Сеше покусился на святая святых, а изменения в отношении к «священной корове» Революции, как уже неоднократно отмечалось, происходят во Франции очень медленно. Кроме того, Сеше — несистемный историк, и левые буквально его травят за это. Можно сказать, что если Вовель — это Дон Кихот Революции, то Сеше — Дон Кихот Контрреволюции.

¹⁰¹ *Vovelle M.* La bataille du Bicentenaire..., p. 194.

¹⁰² *Jourdan A.* Nouvelle histoire de la Révolution. Paris, 2018.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 15.

¹⁰⁴ *Ibidem.*

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 513.

¹⁰⁶ *Чудинов А. В.* Жизнь и революция..., с. 408.

¹⁰⁷ *Secher R.* Le génocide franco-français..., p. 24.

¹⁰⁸ *Ibidem.*

Ж.-К. Мартен, один из ведущих специалистов по Вандее, не именуя войну геноцидом, называет ее антиреволюционным символом, чемпионом среди оппонентов Французской революции¹⁰⁹. Регион живет событиями той войны до сих пор, поэтому Мартен называет войну в Вандее «нескончаемой»¹¹⁰. В последние годы у историка вышел целый ряд работ по Террору, в том числе обобщающая работа: «Эхо Террора. Правда о государственной лжи. 1794–2001»¹¹¹, а также «Террор: правда и легенды»¹¹².

В целом, к термину «геноцид» французы относятся с большой настороженностью. Вовель с негодованием отмечал, что в 2005 г. активно обсуждали «преступления Наполеона» и «геноцид» в отношении населения Сан-Доминго. Известный историк Пьер Нора в интервью изданию «Ле Монд» 18 февраля 2006 г. отметил, что так можно договориться до того, что сама Революция будет трактоваться как преступление против человечества¹¹³. Это еще раз показывает, насколько трепетно французы относятся к революционному наследию.

Что касается обобщающих трудов по Революции, то их немного. На вопрос, почему так происходит, на мой взгляд, очень верно ответил Генифе. По его словам, сегодняшний парадокс заключается в том, что заниматься историей Революции стало проще, поскольку идеологическая схема интерпретации Революции разбилась вдребезги, и историки получили больше свободы. Но никто ею больше не занимается, в том смысле, что никто не пишет полную историю Французской революции. На взгляд Генифе, это происходит, прежде всего, вследствие очень глубокой специализации в исторической науке, мешающей создать действительно «всеобщую» историю Революции. Ведь чем больше профессиональный историк сосредоточен на конкретном аспекте, тем меньше он способен увидеть всю картину в целом. Другая причина, по словам историка, заключается в исчезновении марксистской идеологической схемы. С одной стороны, она была преградой на пути свободы исследований, с другой — обеспечивала их структуру, позволяла осмыслить то или иное событие в его глобальности¹¹⁴. Однако, по мнению Генифе, аналогичные тенденции происходят и в историографии Древнего Рима, средневековой Франции. «Иными словами, великой схеме интеграции истории за минувшие годы ничто не пришло на смену. Это и есть цена свободы»¹¹⁵. Еще одной причиной, на мой взгляд, является существующее в историографии восприятие Революции не как единого целого, единого «блока», а отдельных компонентов и проблем. Это тоже не способствует появлению обобщающей работы.

* * *

В России, на мой взгляд, дело с изучением Революции обстоит даже лучше. Правда, оказалось, что историей Революции сейчас в России занимаются в основном лишь историки «новой русской школы». Ее ядро составляют А. В. Чудинов и Д. Ю. Бовыкин, ученики А. В. Чудинова, уже ставшие остепененными специалистами и авторами собственных монографий: Е. А. Прусская, А. А. Митрофанов, Н. В. Промыслов, М. Ю. Чепурина, а также талантливая научная молодежь¹¹⁶.

Во второй половине 1990–2000-х годов основные направления исследований «новой русской школы» определялись стремлением ее представителей обрести

¹⁰⁹ *Martin J.-C.* Une guerre interminable..., p. 9.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 15.

¹¹¹ *Martin J.-C.* Les échos de la Terreur. Vérités d'un mensonge d'État. 1794–2001. Paris, 2017.

¹¹² *Martin J.-C.* La Terreur. Vérités et légendes. Paris, 2017.

¹¹³ *Vovelle M.* Mémoires..., p. 112.

¹¹⁴ *Митрофанов А. А.* Синтез истории и философии..., с. 198–199.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ О современном развитии см. подробнее: *Таньшина Н. П.* Указ. соч.

собственную идентичность, отличную от советской школы. Этим было обусловлено повышенное внимание историков к практически не изучавшейся в советское время консервативной и «критической» историографии Французской революции. В рамках «новой русской школы» трактовки революционных событий историками-ревизионистами стали предметом сугубо академического анализа¹¹⁷. Кроме того, развернулись активные исследования по истории изучения Французской революции в СССР¹¹⁸.

Последние 20 лет отечественные исследователи Французской революции активно разрабатывают сюжеты, в советское время представлявшиеся весьма рискованными, а то и вовсе неприемлемыми с идеологической точки зрения. Если советская наука рассматривала Французскую революцию преимущественно «снизу» и «слева», то современные историки свободно перемещаются по всему спектру революционной эпохи¹¹⁹.

В 2010-е годы в центре исследовательских интересов российских историков Французской революции оказались научные проблемы, уже не связанные напрямую с наследием советской школы. Одним из приоритетных направлений этого периода стали имагологические исследования, прежде всего изучение образа «врага», осуществляемое на материале Французской революции и Наполеоновских войн¹²⁰. Кроме того, активно развивающимся направлением стало изучение истории повседневности, микроистории, частных сюжетов революционного времени¹²¹. Такой болезненной для фран-

¹¹⁷ Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996; Блуменау С. Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: французская историография революции конца XVIII в. (1945–1993 гг.). Брянск, 1995.

¹¹⁸ Гордон А. В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005; *его же*. Великая французская революция в советской историографии; Бовыкин Д. Ю. Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007; Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.

¹¹⁹ А. В. Тырсенко, продолжая начатые им ранее исследования о фейянах, предшественниках либерализма в период Революции, выпустил монографию о Э. Ж. Сийесе: Тырсенко А. В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999; *его же*. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М., 2005.

Серию статей о конституционных монархистах опубликовала В. Ю. Сергиенко: Сергиенко В. Ю. Французская революция глазами конституционных монархистов (опыт эмиграции). — Французский ежегодник 2001. М., 2001; *ее же*. Жан-Жозеф Мунье (1785–1806) — идеолог монархизма в годы Французской революции. — Новая и новейшая история, 2008, № 3.

Д. Ю. Бовыкин завершил цикл исследований о термидорианцах изданием монографии, а в 2016 г. опубликовал работу, посвященную Людовику XVIII: Бовыкин Д. Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005; *его же*. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799. М., 2016.

¹²⁰ См., например: Митрофанов А. А., Оливье-Шахновская Ж. Образ России в прессе революционной Франции 1789–1792 гг. (на примере газеты «Монитор»). — Европа. Международный альманах, вып. 6. Тюмень, 2006; Митрофанов А. А. Образ России в политической публицистике Франции периода якобинской диктатуры (на примере «Путешествия в Россию» П.-Н. Шантро). — Новая и новейшая история. Межвузовский сборник научных трудов, вып. 23. Саратов, 2008; *его же*. Образ России в общественном мнении революционной Франции (по материалам публицистики и печати). (Автореферат канд. дисс. М., 2010); Прусская Е. А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта. — Французский ежегодник 2010. М., 2010; *ее же*. Образ России в прессе восточной армии Бонапарта (1798–1801 годы). — Новая и новейшая история, 2012, № 4; *ее же*. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016; Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании. — Французский ежегодник 2012. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012; Проmysлов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016.

¹²¹ См.: Чудинов А. В. Будни Французской революции (истории заключенных в Нижней Оверни, рассказанные ими самими). — Казус: индивидуальное и уникальное в истории, вып. 2. М., 1999.

цузских историков темой, как война в Вандее, в нашей стране занялась Е. М. Мягкова, предпринявшая социокультурный анализ истоков Вандейского восстания¹²².

Еще одним важным направлением исследований историков «новой русской школы» в эти годы стало изучение в исторической ретроспективе конфликта либерально-демократической и традиционалистской парадигм, лежащего в основе многих глобальных проблем современности. Работы по этой тематике ведутся под руководством А. В. Чудинова в интеллектуальном пространстве созданной в 2014 г. лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН. Результатом ее деятельности стала публикация целой серии работ о сопротивлении революционной экспансии как в самой Франции, так и за ее пределами, а также о взаимоотношениях просвещенных элит и «низов» общества в революционном процессе¹²³.

Высока степень интегрированности современных российских исследователей в международную историографию. Российские историки успешно сотрудничают с Обществом робеспьеристских исследований; за последние годы ими были подготовлены и опубликованы во Франции два сборника статей¹²⁴, специализированный выпуск журнала «Анналы Французской революции»¹²⁵, многотомная публикация источников¹²⁶ и целый ряд статей.

В Государственном академическом университете гуманитарных наук в 2018 г. была создана лаборатория Западноевропейских и средиземноморских исторических исследований, которую возглавил ведущий английский специалист по истории Французской революции, вице-президент соответствующей Международной комиссии Алан Форрест. Его заместителем стал А. В. Чудинов, а сотрудниками лаборатории — многие из упомянутых мною выше российских исследователей этой проблематики. Показателем интеграции российской школы в мировую историографию стала организованная этой лабораторией в Москве Школа молодых ученых (3–7 сентября 2018 г.) с участием российских и зарубежных преподавателей. Если А. З. Манфреду в 1976 г. казалось, что история Французской революции всесторонне изучена, то А. В. Чудинов в своей лекции подчеркнул, что существовавшие до последнего времени представления о Революции являлись, как показали новейшие исследования международного сообщества историков, собранием мифов и аксиоматичных, но ошибочных суждений.

* * *

Итак, революционная тематика опять актуальна. О каких бы революционных потрясениях в наши дни не заходила речь, обязательно вспоминают Французскую революцию. Различные научные центры охотно организуют colloquia, посвященные сравнительному изучению революций, а одной из четырех главных тем на XXII Международном конгрессе исторических наук в Цзинане (Китай, 2015) была тема «Революция в мировой истории: сравнение и взаимосвязь».

¹²² Мягкова Е. М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII–XVIII веках. М., 2006.

¹²³ См., например: Чепурина М. Ю. Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года. — Французский ежегодник 2016; *ее же*. Грахх Бабёф и «заговор равных». М., 2017; Прусская Е. А. Антифранцузское движение протеста в Египте 1798–1801 гг. — Французский ежегодник 2016; Чудинов А. В. Народы против Французской революции. — Там же; Зайцева Д. В. Сентябрьские убийства 1792 года в политической карьере Ж.-Л. Тальена. — Там же, и др.

¹²⁴ Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme. Étude révolutionnaires. Sous dir. V. Smirnov. Paris, 2003; Écrire l'histoire par temps de guerre froide: Soviétiques et Français autour de la crise de l'Ancien régime. Sous dir. S. Aberdam, A. Tchoudinov. Paris, 2014.

¹²⁵ L'image de l'ennemi à l'époque des guerres napoléoniennes. — Annales historiques de la Révolution française, 2012, № 4 (369).

¹²⁶ Romme G. Correspondance. Ed. établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy, A. Tchoudinov. Clermont-Ferrand, 2006–2014, 5 v.

С другой стороны, сейчас находится все меньше желающих заниматься этой темой как в России, так и во Франции. Круг посвященных неумолимо сужается, и вместе с людьми в прошлое уходят былые разногласия. У Вовеля взгляд на нынешнюю ситуацию был грустным: «Моя личная ностальгия пессимистичного видения коммемораций Революции»¹²⁷. В то же время он, по его собственным словам, «остается верен своей мечте». И битва для него до самых последних дней не была окончена; Дон Кихот Революции, он всегда помнил слова своего учителя, знаменитого историка Э. Лабрусса: «И не забывайте нашей Великой Октябрьской революции». И добавлял уже от себя: «И не забывайте нашей Великой Революции»¹²⁸.

Генифе настроен более оптимистично. Выход он видит на путях междисциплинарного синтеза. Предостерегая, вслед за Фюре, от слепого доверия к архивному документу, он убежден, что от методологического «обнищания» историографию может спасти только синтез истории и философии, спасающий исследователя от зашоренности взгляда, обусловленного узкой специализацией, и позволяющий видеть события в широкой исторической перспективе¹²⁹.

У А. В. Чудинова взгляд на Революцию грустный, поскольку сами сюжеты, как правило, трагичные и печальные, но вполне оптимистичный. В отличие от Вовеля он не пассаист, он живет не только настоящим, но и будущим. Показатель этого – целая плеяда талантливых учеников. По словам самого Александра Викторовича, «что может быть более оптимистичным, чем констатировать возможность появления нового историографического феномена на том, казалось бы, уже распаханном вдоль и поперек поле исследований, что возделывается более двух столетий?!»¹³⁰. Современной отечественной науке присуща не только глубокая специализация (как и французской), но и стремление к синтезу и комплексному анализу. Наследие классической школы, русской и советской, к счастью, не ушло в прошлое. Это вселяет уверенность, что обобщающая работа о Французской революции скоро появится...

¹²⁷ *Vovelle M.* La bataille du Bicentenaire..., p. 200.

¹²⁸ *Ibid.*, p. 202.

¹²⁹ *Митрофанов А. А.* Синтез истории и философии..., с. 197.

¹³⁰ *Чудинов А. В.* История Французской революции..., с. 237.